

Водомерки

шарик дня сдувается и меркнет втягивая света провода
легкие сквозные водомерки скатывают солнечность пруда
в сумерек ячейки петли норки съезживая съершивая свет
в пере-плавывы-правы-пере-борки вставших на попу с собакой лет

съевших мясо смыслов высей сути сумерки — обман и мишура
поперхнешься пряным биосупом — и почувешь почками мистраль
зим невинность бесконечность смерти матрицу — сквозь бликов кисею
только и увидев: водомерки по воде натруженной снуют

Бирка

Приходили с бирками. От младенца до мертвеца.
Рот кривили, не поднимая лица.
Не понимали ни мудрого, ни глупца —
Только негромкое Божье слово.

На коленях стертых плачь.
Юный, седой, в пыли,
волосы рви —
Ни проклятий давно, ни молитв
не услышать немым, которые добрели
не до края в себе.
До основы.

Скоро осень. Краска летит с икон
И с ворон белых твоих, и с черных твоих ворон,
потому не узнаешь ни четырех сторон,
ни ветров до крестин близящихся, похорон,
сколь во тьму ни втыкай гвоздь, сколь ни зыркай,
ни тони в горе своем, как в реке.
Там уже кто-то машет ласково вдалеке.
Даже имя найдя себе, остаешься никем.
Даже имя найдя и на ноге — бирку.

Как в первый класс

Как в первый класс, начищен и нелеп. А птенчики выклевают споры,
Затачивая клювики мечам.
Пожмешь плечами через много лет, когда тебе отмерят год и город.
Пожмешь нескоро — холодно сейчас.

Затейник мажет в смоль твое перо. Кричишь цыплятам кинувшимся:
«Хватит!»
Я не играю. Мной играть нельзя.
Но флейта тычется, находит рот и облако на свадебное платье,
Кидая курам ладан и сезам.

Гниет «Арго». Закончив лабиринт, сплетает нить услужливая мойра.
Еще минута — катится клубок
И зажигает в полдень фонари, и запираясь, моет руки, моет.
Во сне проснешься, зная: сон глубокий,

В котором сноваходишь в первый класс
И видишь нас

Пусть

Пусть попадет, нет, не вожжа — скорее, возраст.
И будет поздно не рожать, а просто поздно.
Настолько поздно, что верняк — и против правил.
И я пролепечу: сам черт заставил.
Разделится, как абрикос, на до и после
доремажоровый вопрос — и жрать попросит
себя, кончатся за стихи, сигать не глядя
под нож налаженной сохи у добрых дядей
из баловства, из вещества пересвободы.
Поймешь, что зря трава жива, отходят воды.
Ить, вашу мать! всем наплевать. И мне копейка.
Подвесить солнце в сотню ватт на листьеклейкость,
пока не раздобрел апрель на птичьи гаммы.
И прочна параллельность рельс, квадратна рама.
Стоит земля на трех китах и черепашке.
Пускай не та.
Пускай не так.
Уже не страшно.

Дождь в Керчи

В Героевке героев нет и мест на пляжах. Тишина звенит окрест.
И степь лучится. Сквозь прибой кузнечик
В ракушечник закинул горсть монет, обгладывая сбоку континент
До острова, что серебристо-вечен
В июнь. Такой... нестрашно умирать... Зной вечера сгущается в мистраль,
Бессмертником свивая вялый воздух.
Ковыль склонился, волны домолчав. Течет луны усталая свеча.
А кони света напрягают ноздри —
И вдруг одним рывком летят в провал. Многоэтажек жмутся острова
К реке, уставшей гнать машины с трассы.
Загустевают тени у воды... Цари, солдаты, боги... сизый дым...
Песок мешает пули, стрелы, асы...
Клубятся в косах ливня голоса... Смерч над проливом... Только б записать —
Истории размыты вехи, бреши.
Бреду среди курганов, рву траву и говорю себе: «А я живу!»
Промокший, совершенно одуревший...
Накрыла тени павших длань моста. Строитель каску в зыбь подкинул, встав

На кромке недописанной страницы.
Гроза набухла гроздю. Виноград жмет рваный ветер, остужая сад,
И заставляет небо торопиться,
Меняет быль и небыль, низ и верх. Курлычет ливень, бьет крылом, как стерх,
Край тучи. Ближе. Тяжелей. Условней.
Хлопки, хлопки закрытых в спешке рам. Струя толкнула мятый бок ведра,
Неся надежду в зев каменоломни.
Аджимушкой оплакав и крестив, стекает по локтям и ступням ив
В припудренные пылью чашки маков...
Тебя пронзает взглядом Митридат. Неспешно пьет из кубка черный яд,
Шлем надевает и идет в атаку.

Митридатовы кошельки

Правда то слишком низменна, то высока. Коршун гранит безбрежье
лазурной реки.
Выше — слова — перистые облака. Рощу зовут Митридатовы Кошельки.
Статер, тетартеморий, медный обол корни дубов толкают из жадной земли.
Листья молитвенно шепчутся над тобой. Ветер виски белит и ковыли,
Соль запекает горькую на губах, сны на курганах выжженных шевеля.
Чья-то судьба заблудилась в гордых дубах? Чьи-то монеты не хочет хранить
земля,
Скрывшая правды столько и столько лжи, сколько сумел доверить ей
человек?
Если кошель зарыл, жить хотел. Жить! Если оставил — короток был век.
Ночи короче степи сулит июнь, день напоив травами допьяна.
Пали владельцы монет в давнем бою. Пишет луна странные имена,
Косу лениво моет в темном зрачке. Слава хрупка как выветренный
известняк.
Песни на непонятном реке языке волны толкают ласковые в меня:
— Завтра в последний бой пойдешь за царя... Спрячь под корнями дуба
свой кизикин...
Видишь, там, на востоке, алеет заря... Белит горячий ветер солдатам виски...

Париж

Увидеть бы Париж, тот самый, с башней, который так давно не стоит мессы,
что умереть не страшно молодым — на скорости в тоннеле Альма, если
перед тобою выросла стена. Но выросли лишь на рентгене пятна.

Исколот, как игольница, бесстрастен. Хотелось умирать в Париж, понятно.
А умираешь в хосписе в Твери. А умираешь в хосписе в Твери
И больше ничего не говоришь.
Анализы читаешь по глазам врачей. И поздно нынче не в балет.
Не иероглифы писать по шелку тушью, а даже позже выключать в палате
свет.
Тебе все можно. Смерть — освобожденье
от обязательств, бытовых забот. Но в метрономе западает время,
тобой не проведенное в Париже
и на Гавайях. Тень длиннее, ближе.
А твой сосед, кривой и гибкий тополь,
надумал наконец-то зацвести. И шелестит за перекрестьем окон.
О юности беспечно шелестит.
О чем-то бесконечном. Он не знает, что завтра здесь назначили субботник.
Всех срубят. И меня. Зачем цвести? Но я тянусь поверх заката веткой.
По векам.
Даже дальше. И не страшно.
Ведь зажигают лампочки на башне.

Ель

В парке у «Зеленого театра» прячется от ливня молодежь.
За стеной — концерт, ревут фанаты. По скамейкам барабанит дождь.
Говорливо пенятся кюветы, водостоки благостно урчат.
Зал битком, ни одного билета. Воды хлещут небо кровли по плечам.
Жеребьячи хлопотно, счастливо пьет земля, пускает пузыри,
Моет косы трепетная ива, мочит шевелюру кипарис,
Серебром нагруженные ели обрамляют глянцевый фасад,
Шляпками грибными капители от колонн уходят в мокрый сад
С пацанами, что сильнее горланят... Самый дерзкий вытащил топор —
И вонзил с размаху в основание дерева, вздохнувшего в укор.
Заметалась по ветвям гитара, скрежет взвил горячие басы,
Разъярив кипение металла до безумно острой полосы.
Бабой деревенскую завыла, от натуги потной затупясь.
Бил топор по кряжу что есть силы, подпевал парнишка про себя.
Вдруг, осев в очередном замахе, крылья ели смяли дурака.
Разбежались хулиганы в страхе, разошлись беззвучно облака,
Похватав обрывки пьяных песен, струн и струй расстроив бытие.
Обнялись и замерли на месте ель и руки, бившие ее,

Обнялись и замерли на месте ель и руки, бившие ее
Не из мести да и не по гневу — в кураже, под гиканье и свист...

За стеною пел про королеву и любовь прекрасную солист.
Промахнули наискось иголки, остужая загорелый лоб.
Кумачом — привычно и недолго — столяр обобьет еловый гроб...

Хлюпая, сипел, динамик «Скорой». Капли с веток тыкались в смолу
Ели, виноватой и покорной странной смерти, глупенькому злу...
А потом толпа текла из зала, радуясь, не зная ничего,
Спотыкаясь, весело пинала ель и облака над головой,
Что летели, отвернувшись в спешке к бабочкам, стрекозам и цветам...

Назван был концерт вполне успешным на ютуб, в тик-ток и в инстаграм.

Пеликаны

Я бегу от тебя к пеликанам. К исполинам. А правда в них рыба?
Отцветают за юкками канны, облетают в маринах магрибы.
Витражи из осколочков света сквозь платановый бунт узорочья
Теплой сказкой? малиновым летом? Старогагринский парк?
Нижний — в Сочи?
От тебя — по колено в прибое — обернуться, столкнуться глазами.
Море, сладкое и голубое. А на дне вьется синее пламя.
Оглянись, как заклясть столько боли? Да, теперь стала я тверже кремня...
Море стынет в седеющей соли. Слишком долго проплакало время.
Улыбнешься на выцветшем фото. Тыщу лет и во снах не приходишь.
Пчелы склеили памяти соты.
— Пароходик, смотри, пароходик!
Долго плавала в разные страны. Я большая теперь, чтобы плакать.
Но хочу убежать к пеликанам. И во сне увидеть тебя, папа.